

КОНФЛИКТЫ КАК СОБСТВЕННОСТЬ^[1]

Кристи Нильс, Профессор криминологии, Университет г. Осло
Перевод [Общественного центра "Судебно-правовая реформа"](#), г. Москва

Резюме

Конфликты считаются важными элементами в обществе. В высокоразвитых промышленных обществах не слишком много внутренних конфликтов, их слишком мало. Нам нужно организовать социальные системы таким образом, чтобы питать конфликты и делать их видимыми, а также следить за тем, чтобы профессионалы не монополизировали право на их решение. Жертвы преступлений в особенности утратили свои права на участие в этом процессе. Очерчивается судебная процедура, восстанавливающая права участников на свои собственные конфликты.

Введение

Может быть, нам не нужна никакая криминология. Может быть, нам стоит упразднить институты, а не учреждать новые. Может быть, социальные последствия криминологии более сомнительны, чем нам хотелось бы думать.

Я полагаю, что так оно и есть. Я считаю, это имеет отношение к моей теме "конфликты как собственность". Подозреваю, что криминология до некоторой степени преувеличила процесс, в котором конфликты отобрали у сторон, непосредственными участниками коих они были, и конфликты либо исчезли, либо стали чужой собственностью. В обоих случаях результат прискорбный. Конфликты нужно использовать, а не только позволять им углубляться. Их нужно использовать, они должны приносить пользу тем, кто изначально в них вовлечен. Конфликты могут причинять вред как отдельным лицам, так и социальным системам. Этому нас учат в школе. Вот зачем нам нужны представители органов государственной власти. Без них процветала бы месть. Мы заучили это так хорошо, что забыли о другой стороне медали: у нашего высокоразвитого крупномасштабного общества не слишком много внутренних конфликтов. Их слишком мало. Конфликты могут убивать, но очень немногие из них могут парализовать. Я воспользуюсь данной возможностью, чтобы сделать набросок одной ситуации. Это не больше, чем набросок. Настоящая работа представляет собой лишь начало развития некоторых идей, а не отполированный конечный продукт.

О том, что происходит и что не происходит

Давайте начнем издалека. Давайте отправимся в Танзанию и подойдем к нашей проблеме с солнечного склона горы в провинции Аруша. Здесь, в относительно большом доме, в очень маленькой деревушке что-то происходит. Дом переполнен людьми. Там почти все взрослые из этой деревни и несколько из соседних. Это было счастливое событие: торопливая речь, шутки, улыбки, пристальное внимание, ни одно слово не должно быть пропущено. Это был цирк, это была драма. Это был суд.

Конфликт на этот раз был между мужчиной и женщиной. Они были помолвлены. За долгое время он много вложил в эти отношения, пока она их не оборвала. Теперь он хотел получить все назад. О золоте, серебре, деньгах договориться легко, а как быть с теми вещами, которые уже пришли в негодность, а как насчет общих расходов?

Результат в данном контексте нас не интересует. Нас интересует схема решения конфликта. Следует в особенности упомянуть 5 элементов:

1. Стороны - бывшие влюбленные - находились *в центре* комнаты и в центре всеобщего внимания. Они много говорили и их внимательно слушали.
2. Рядом с ними были их родные и друзья, которые также принимали участие, но *не брали решение конфликта на себя*.
3. Короткими вопросами, сообщениями и шутками зрители тоже принимали участие в этом событии.
4. Судьи, три секретаря местной партии, были абсолютно пассивны. Было совершенно очевидно, что они далеки от проблем деревни. Все остальные люди в комнате были специалистами. Они были специалистами в области норм, а также действий. И они оттачивали нормы и своим участием помогали выяснить, что случилось.
5. Никаких репортеров не было.

Что касается британских судов, здесь мои знания весьма ограничены. Смутно вспоминаю суды для несовершеннолетних, где я насчитал около 15 или 20 присутствующих, в основном социальных работников, которые использовали зал суда для подготовительной работы или небольших конференций. Вероятно, присутствовал и ребенок или молодой человек, но кроме судьи (или может быть это был клерк) никто особенно не обращал на него внимания. Ребенок или молодой человек, скорее всего, абсолютно не понимал, кто был кто и зачем, - факт, подтвержденный небольшим исследованием Питера Скотта (1959). В Соединенных Штатах Америки Марта Баум (1968) сделала аналогичные наблюдения. Недавно Боттомс и МакКлин (1976) добавили к этому еще одно важное наблюдение: "Есть правда, о которой почти не говорится в юридической литературе или исследованиях по отправлению уголовного правосудия. Эта правда стала очевидной для всех тех, кто принимал участие в этом исследовательском проекте и прослушал все дела, составлявшие нашу выборку. Состоит она в том, что по большей части процедура уголовного суда скучна, избита, заурядна и просто утомительна.

Но я лучше помолчу о вашей системе, а вместо этого сосредоточусь на своей. Уверяю вас: то, что там происходит, событием не назовешь. Это ничто по сравнению с танзанийским делом. Поражает серость, скука и отсутствие стоящей аудитории практически во всех делах в скандинавских странах. В повседневной жизни наших граждан суды являются не центральным, а лишь второстепенным элементом по четырем основным причинам:

1. Они располагаются в административных центрах городов, за пределами территории, где проживают обычные люди.
2. В административных центрах суды обычно сосредоточены в одном или двух больших, очень запутанных зданиях. Юристы часто жалуются, что им нужны месяцы, чтобы научиться ориентироваться в таких зданиях. Не нужно обладать богатой фантазией, чтобы представить себе положение сторон или публики, оказавшихся в ловушке этих конструкций. Сравнительное исследование архитектуры зданий суда может стать настолько же актуальным для социологии права, насколько исследование пространства, необходимого для защиты, проведенное Оскаром Ньюманом (1972) актуально для криминологии. Но даже без всякого исследования могу с уверенностью сказать, что и физическое состояние, и архитектурный дизайн являются показателями того, что суды в скандинавских странах принадлежат вершителям закона.
3. Это впечатление усиливается, как только вы входите непосредственно в зал суда, если вам повезло найти туда дорогу. Здесь вы опять не можете не заметить второстепенную роль сторон. Стороны имеют своих представителей, и именно эти представители и судья или судьи проявляют ту незначительную активность, которая имеет место в залах суда. Знаменитые рисунки Оноре

Домьера, сделанные в судах, характерны как для скандинавских стран, так и для Франции.

Но ситуация не везде одинакова. В небольших городках или сельской местности до судов добраться намного легче, чем в больших. И на самом нижнем уровне судебной системы, в так называемых арбитражных комитетах, стороны представлены специалистами в области права в гораздо меньшей степени. Но символом всей системы является Верховный Суд, где непосредственные участники даже не присутствуют на своем собственном процессе.

4. Я еще не провел никакого различия между гражданскими и уголовными конфликтами. Но танзанийское дело не случайно оказалось гражданским. Полное участие в своем собственном конфликте предполагает элементы гражданского права. Ключевым элементом в уголовной процедуре является то, что эта процедура превращается из чего-то, что было между двумя конкретными сторонами, в конфликт между одной из сторон и государством. Так что в современном уголовном суде произошли две важные вещи. Первая, *стороны имеют своих представителей в суде*. Вторая, одна сторона, которую представляет государство, а именно жертва, так хорошо представлена, что она или он в большей части процесса совершенно вытеснена с арены действий и ее роль во всем этом деле сведена до роли спускового крючка. Она или он оказываются как бы проигравшими вдвойне: первый раз - лицом к лицу с преступником и второй раз, чаще всего в более травмирующей форме, лишаясь прав на полное участие в том, что вероятно было для нее наиболее важным ритуальным событием в жизни. Жертва проиграла свой процесс государству.

Воры-профессионалы

Как все мы знаем, за этими событиями стоит много как благородных, так и неблагородных причин. Благородные связаны с потребностью государства уменьшить количество конфликтов и, конечно же, с желанием защитить жертву. Это вполне очевидно. У государства, императора или кого бы то ни было, стоящего у власти, существует также и менее благородное искушение использовать уголовное дело в личных целях. Преступники должны платить за свои грехи. Представляя жертву, власти демонстрировали большую готовность выступать в качестве получателя денег или другой собственности от преступника. Эти дни миновали; система контроля за преступностью больше не работает на прибыль. И все-таки эти дни не прошли совсем. Здесь на карту поставлено много интересов, большинство из них связаны с профессионализацией.

Особенно хорошо воруют конфликты юристы. Их этому учили. Их учили предотвращать и улаживать конфликты. Они объединены в субкультуре с удивительно высокой степенью согласия относительно интерпретации различных норм и того, какую информацию считать относящейся к делу. Многим из нас, не будучи юристами, приходилось переживать грустные моменты истины, когда адвокаты говорили, что наши самые лучшие аргументы в борьбе с соседом не имеют никакой юридической значимости и мы ни в коем случае не должны упоминать о них в суде. Вместо этого они выбирают аргументы, на наш взгляд не совсем или вовсе неподходящие. Мой любимый пример имел место сразу после войны. Один из лучших адвокатов в моей стране с гордостью рассказывал о том, как он спас одного бедного клиента. Клиент сотрудничал с немцами. Прокурор утверждал, что клиент был одной из основных фигур в организации нацистского движения, что он был одним из его идеологов. Однако адвокат спас своего подзащитного. Он спас его, показав присяжным как слаб, бездарен, как очевидно неспособен к общению или организаторской деятельности был его клиент. Его клиент не мог быть одним из

организаторов среди предателей - у него для этого просто не хватало способностей. И он выиграл это дело. Как очень незначительная фигура, его клиент получил очень маленькое наказание. В заключение адвокат в негодовании сказал, что ни обвиняемый, ни его жена даже не поблагодарили его, они с ним даже не разговаривали после этого.

Конфликты стали собственностью юристов. А они и не скрывают, что занимаются именно конфликтами. Это же подчеркивает и организационная структура судов. Противостоящие друг другу стороны, судья, запрет на конфиденциальные сообщения, предоставляемые адвокату внутри судебной системы, никакого поощрения специализации (специалистов нельзя контролировать изнутри) - все это говорит о том, что это структура, занимающаяся конфликтами. *Медицинский персонал* находится в другом положении. Они больше заинтересованы в том, чтобы *дело перестало выглядеть как конфликт*. Основную модель целителей составляют не противостоящие друг другу партии, а модель, где одной стороне нужно оказать помощь для достижения одной общепринятой цели: сохранение или восстановление здоровья. Их не готовят для системы, в которой важно чтобы стороны контролировали друг друга. В идеальном случае контролировать нечего потому, что цель одна. Здесь поощряется специализация. Она увеличивает объем необходимой информации и потеря внутреннего контроля здесь не имеет никакого значения. Перспектива конфликта создает неприятные сомнения в соответствии целителя своей работе. Перспектива отсутствия конфликта является предпосылкой определения преступления как разумной цели лечения.

Одним из способов отвлечь внимание от конфликта - это отвлечь внимание от жертвы. Другой способ - это пристальное внимание к тем чертам в прошлом преступника, лечить которые и был обучен целитель. Прекрасно, если есть биологические дефекты, а также личностные проблемы, появившиеся в далеком прошлом, задолго до настоящего конфликта. А также целый ряд объясняющих переменных, которые может предложить криминология. Криминология в большой степени функционировала как вспомогательная наука для профессионалов, работающих в системе контроля за преступностью. Мы сосредоточились на преступнике, превратили его или ее в объект изучения, манипуляций и контроля. Мы присоединились ко всем тем силам, которые превратили жертву в ничто, а преступника в вещь. Эта критика справедлива не только в отношении старой криминологии, но и новой. В то время как старая криминология объясняла преступность личностными или социальными проблемами, новая криминология считает преступность результатом широких экономических конфликтов. Старая криминология теряет конфликты, новая преобразует межличностные конфликты в классовые. Они такими и являются. Они также и классовые конфликты. Но, подчеркивая это, конфликты опять отбирают у непосредственно участвующих в них сторон. Так что предварительное утверждение таково: уголовные конфликты тоже стали чужой собственностью, в основном собственностью юристов, или в интересах других людей объяснять конфликты какими угодно причинами.

Структурные

воры

Но помимо профессиональной манипуляции конфликтами есть еще и изменения в основной социальной структуре, действующие в том же направлении.

В частности, я имею в виду *два типа сегментации*, отчетливо видимых в высокоразвитых промышленных обществах. Первый - это сегментация *в пространстве*. Мы функционируем каждый день, двигаясь между группами людей, не нуждающимися ни в какой связи между собой, кроме как через того, кто между ними перемещается. Так что мы часто знаем своих сотрудников только как сотрудников, соседей только как соседей, членов лыжной команды только как членов лыжной команды. Мы знаем их только в определенных *ролях*, а не как личности в целом. Эта

ситуация усугубляется еще и высокой степенью разделения труда, принятого нами. Только специалисты могут оценить друг друга в соответствии со своей индивидуальной, личной компетентностью. За пределами специализации нам приходится прибегать к общей оценке предполагаемой значимости работы. За исключением отношений между специалистами, мы не можем оценить, насколько хорошо человек делает свою работу, мы можем определить только насколько хороша (т.е. важна) его роль. По всем этим причинам у нас ограниченные возможности для понимания поведения других людей. Их поведение также имеет к нам ограниченное отношение. Людей, лишь выполняющих определенные роли, легче заменить чем личности.

Второй тип сегментации имеет отношение к тому, что я люблю называть нашим восстановлением кастового общества. Я не говорю "классового общества", хотя есть четкие тенденции движения в этом направлении. Однако в данном случае элементы касты, я считаю, более важными. Я имею виду сегментацию, основанную на биологических признаках, таких как пол, цвет кожи, физические увечья или количество зим, минувших со дня рождения. Возраст особенно важен. Это тот признак, который почти идеально совмещен с современным сложным промышленным обществом. Это непрерывная переменная, которую мы можем разбить на такое количество отрезков, которое нам понадобится. Мы можем разбить все население на 2 части: на взрослых и детей. А можем разбить на 10: грудные дети, дети дошкольного возраста, школьники, подростки, молодежь, взрослые, люди предпенсионного возраста, пенсионеры, престарелые люди, дряхлые старики. И что важно: точки раздела могут переноситься вперед и назад в соответствии с социальными нуждами. Понятие "подросток" (teenager) особенно устраивало 10 лет назад. Оно бы не было таким популярным, если бы так не соответствовало социальным реалиям в то время. Сейчас этим понятием не очень часто пользуются в моей стране. Состояние молодости не заканчивается после 19 лет. Молодым людям приходится ждать даже дольше, прежде чем им будет позволено стать рабочей силой. Каста тех, кто находится за пределами рабочей силы, продвинулась далеко за 20. В тоже время выход из рабочей силы, если вы туда вообще были допущены или если вас не исключили из нее по причине расовой принадлежности или сексуальной ориентации, переместился в начало шестого десятка жизни человека. В моей крошечной стране с четырьмя миллионами жителей 800 тысяч человек изолированы внутри системы образования. Растущий дефицит работы тут же привел к тому, что власти увеличили продолжительность образовательного заключения. Еще 600 тысяч пенсионеров.

Сегментация в соответствии с пространством и кастовыми признаками имеет несколько последствий. Первое и самое главное - она ведет к *деперсонализации социальной жизни*. Люди в меньшей степени связаны между собой в замкнутых социальных структурах, где они имеют дело со *всеми* значимыми ролями других значимых людей. Это создает ситуацию, когда количество информации друг о друге ограничено. Мы действительно знаем меньше о других людях и обладаем ограниченными возможностями как для понимания, так и для предсказания их поведения. Если возникает конфликт, мы в меньшей степени способны справиться с ним. Не только профессионалы способны и готовы отобрать конфликты, мы сами готовы их отдать.

Второе, сегментация приводит к разрушению определенных конфликтов еще до их появления. Деперсонализация и мобильность внутри промышленного общества растворяют необходимые условия для возникновения живых конфликтов, конфликтов между сторонами, которые много значат друг для друга. Я, в частности, имею в виду преступления против чести, клевету или дискредитацию. Во всех скандинавских странах количество таких преступлений резко упало. Я объясняю это не тем, что честь стали больше уважать, а тем что осталось меньше чести для уважения. Различные формы сегментации говорят о том, что человеческие существа

взаимосвязаны таким образом, что они просто меньше значат друг для друга. Когда их обидели, их обидели лишь отчасти. А если их побеспокоили, они могут просто отойти в сторону. В конце концов, кому до этого есть дело? Никто меня не знает. Я полагаю, что меньшее количество преступлений, связанных с клеветой и бесчестьем, это один из наиболее интересных и грустных симптомов опасных тенденций, происходящих внутри современных промышленных обществ. Это уменьшение здесь определенно связано с социальными условиями, приводящими к росту других форм преступности, попадающих в поле зрения властей. Важная цель - воссоздать те социальные условия, которые приводят к увеличению преступлений против чести других людей.

Третье последствие сегментации в соответствии с пространством и возрастом состоит в том, что определенные конфликты стали совершенно невидимыми и, следовательно, не получили вообще никакого разрешения. Я имею в виду конфликты, находящиеся на двух полюсах континуума. На одном полюсе у нас сверх-приватизированные конфликты, те, что происходят с людьми, оказавшимися в одном из сегментов. Например, избиение жены или ребенка. Чем более изолирована группа, тем в большем одиночестве находится слабейшая из сторон, а значит и становится более уязвимой для правонарушений. Инге и Раймер (1943) много лет назад провели классическое исследование по сходной проблеме в своей книге об инцесте. Главная мысль в книге состоит в том, что социальная изоляция определенных категорий шведских пролетаризированных рабочих ферм явилась необходимым условием для такого вида преступлений. Нищета означала полную зависимость членов семьи друг от друга, а изолированность приводила к тому, что у самых слабых членов семьи не было никакого внешнего сообщества, к которому они могли бы обратиться за помощью. Физическая сила мужа приобрела чрезмерное значение. На другом полюсе у нас преступления, совершаемые большими экономическими организациями против отдельных людей, слишком слабых и невежественных, чтобы даже осознать, что они стали жертвами. В обоих случаях целью предотвращения преступления может стать восстановление социальных условий, которые сделают эти конфликты видимыми, а значит и решаемыми.

Конфликты **как** **собственность**

Конфликты отбирают, отдают, они растворяются или становятся невидимыми. Имеет ли это значение? А действительно, имеет ли это значение?

Большинство из нас, вероятно, согласится с тем, что мы должны защищать невидимые жертвы, о которых только что шла речь. Многие также одобрительно кивнут головами в отношении того, что государства или правительства или другие власти должны перестать воровать штрафы, а вместо этого позволить бедным жертвам получать эти деньги. По крайней мере, я бы это одобрил. Но здесь и сейчас я не буду углубляться в эту проблему. Используя выражение "конфликты как собственность", я не имею в виду материальную компенсацию. *Собственно конфликт* представляет собой наиболее важную отнятую собственность, а не вещи, отобранные у жертвы или возвращенные ей. В наших типах общества конфликтов гораздо меньше, чем собственности. И ценность их безмерно выше.

Они ценны во многих отношениях. Позвольте мне начать с уровня общества, так как я уже представил необходимые фрагменты анализа, которые, вероятно, позволят нам увидеть в чем же, собственно, проблема. У высокоразвитых промышленных обществ основные проблемы состоят в организации своих членов таким образом, чтобы солидная часть людей принимала участие хоть в какой-нибудь деятельности. Сегментацию в соответствии с возрастом и полом можно рассматривать как практические методы сегрегации. Занятость в таком дефиците, что те, кто ею обладают, создают монополии против аутсайдеров, особенно в отношении работы. В этой связи легко увидеть, что конфликты представляют собой *потенциал для*

деятельности, участия. Современные системы контроля за преступностью - это один из многочисленных случаев потери возможности для вовлечения граждан в решение задач, имеющих для них непосредственную важность. Наше общество-это общество монополистов на решение задач.

В этой ситуации больше всего проигрывает жертва. Она не только страдает, несет материальные потери или ущерб физический или какой-либо другой. И не просто государство забирает компенсацию. Но, помимо всего прочего, она утрачивает право на участие в своем собственном деле. В центре внимания находится государство, а не жертва. Это государство определяет потери, а не жертва. Это государство фигурирует в газетах, и крайне редко жертва. Это государство получает возможность говорить с правонарушителем, но ни государство, ни правонарушитель не заинтересованы в продолжении этого разговора. Обвинитель давно уже сыт по горло. А жертва никогда бы не была. Она могла бы быть напугана до смерти, быть в панике или гнев, но никогда безучастной. Это мог бы быть один из самых важных дней в ее жизни. Что-то, что принадлежит только ей, было отнято у нее.²

Но мы тоже в проигрыше, в той степени, в какой общество - это мы. Эта потеря в первую очередь и больше всего - потеря *возможности для оттачивания норм.* Это- потеря педагогических возможностей. Это- потеря возможностей для продолжения дискуссии о том, что составляет надлежащую правовую процедуру. Насколько был не прав вор и насколько была права жертва. Как мы видели, юристы обучены и знают, что можно считать относящимся к делу. Но это означает неспособность, полученную в результате обучения, позволять сторонам решать, что *они* считают относящимся к делу. Но это значит, что трудно осуществить то, что мы могли бы назвать политическими дебатами в суде. Насколько наказуемо преступление, когда жертва маленькая, а преступник большой - по размеру или власти. А что, если ситуация обратная - маленький вор и большой домовладелец? Если преступник хорошо образован, должен ли он страдать больше или, может быть, меньше за свои грехи? А если он чернокожий, а если молодой, а если другая сторона это страховая компания, а если его только что оставила жена, а что, если его фабрика развалится, если он попадет в тюрьму, а если его дочь потеряет своего жениха, а если он был пьян, а если ему было грустно, а если он был безумен? И так без конца. А может быть его и не должно быть? Может быть, закон Баротс (Barotse), как его описывает Макс Глюкман (1967), позволяющий конфликтующим сторонам предоставлять каждый раз всю цепь старых обвинений и аргументов, лучший инструмент для определения норм. Может быть, решение о том, что относится к делу, и о значимости того, что относится к делу, должно быть отобрано у правоведов - главных идеологов системы контроля за преступностью - и возвращено для свободного решения в залы суда.

Еще одна общая потеря как для жертвы, так и для общества в целом, связана со степенью тревоги и неправильных представлений. Здесь опять я имею ввиду возможности для личной встречи. Жертва настолько исключена из дела, что у нее нет никакого шанса, хоть когда-нибудь, узнать преступника. Мы оставляем ее за бортом разозленную, возможно, униженную перекрестным допросом в суде, без каких-либо человеческих контактов с преступником. У нее нет выбора. Ей понадобятся все классические стереотипы, связанные с "преступником", что- бы во всем разобраться. Она нуждается в понимании, а вместо этого становится несуществующим лицом в пьесе Кафки. *Она, конечно же, уйдет еще более напуганной, чем когда-либо, более, чем когда-либо, нуждающейся в объяснении, что преступники- это нелюди.*

Преступник представляет собой более сложный случай. Не нужно обладать особой проницательностью, чтобы увидеть, что непосредственное участие жертвы может быть в самом деле болезненным. Большинство из нас избежали бы встречи такого рода. Это первая реакция. Вторая - немного более позитивная. У поступков людей

есть мотивы. Если бы ситуация была построена так, чтобы можно было изложить свои мотивы (так как их видят обе стороны, а не только те, что юристы считают относящимися к делу), в этом случае ситуация может быть и не была бы столь унижительной. И особенно, если бы ситуация была построена таким образом, чтобы центральным был не вопрос определения вины, а подробное обсуждение того, что можно сделать, чтобы загладить ее, тогда ситуация могла бы измениться. Именно это должно случиться, когда жертва будет восстановлена в деле. Серьезное внимание будет сосредоточено на потерях жертвы. Это привлечет естественное внимание к тому, как их можно смягчить. А это приводит к обсуждению возмещения ущерба. Правонарушитель получает возможность изменить свое положение и из слушателя превратиться в участника (часто очень невнятного) обсуждения, о том, сколько боли ему должно быть нанесено и как он мог бы исправить ситуацию. Правонарушитель утратил возможность объясниться перед человеком, чье мнение о нем может иметь для него значение. Следовательно, он утратил одну из наиболее важных возможностей - возможность быть прощенным. По сравнению с унижениями, испытываемыми в обычном суде, живо изображенными Пэт Карлен (1976) в недавнем выпуске *Британского Журнала по Криминологии*, не так уж это и плохо для правонарушителя.

Но позвольте мне добавить, я думаю, что делать это мы должны независимо от его желания. Мы здесь обсуждаем не контроль за здоровьем. Мы обсуждаем контроль за преступностью. Если преступники шокированы первой мыслью о близкой встрече с жертвой, предпочтительно встрече в том районе, где живет одна из сторон, что тогда? Из последних обсуждений этих проблем я знаю, что большинство приговоренных находятся в шоке. В конце концов, они предпочитают отстраниться от жертвы, соседей, слушателей и даже своего собственного дела с помощью специалистов в области поведения и лексики человека, которые могут там оказаться. Они совершенно готовы отказаться от своего права собственности на конфликт. Так что вопрос в том, хотим ли мы позволить им отказаться от этого и хотим ли мы дать им так легко отделаться?²³

Позвольте мне пояснить один момент: я предлагаю эти идеи не из какой-либо заинтересованности в обращении или исправлении преступников. Я не основываю свои рассуждения на вере в то, что более личная встреча преступника и жертвы приведет к сокращению рецидивизма. Может быть и приведет. Думаю, что приведет. На данный момент преступник утратил возможность участвовать в личной встрече очень важного свойства. Он потерял возможность испытать такое чувство стыда, которое было бы очень трудно нейтрализовать. Я, однако, рекомендовал бы такие встречи, даже если бы было абсолютно точно известно, что они не оказывают никакого влияния на рецидивизм, может быть даже, если бы они имели отрицательный эффект. Я бы сделал это в других, более общих целях. Позвольте мне также добавить, что терять особенно нечего. Как мы все, или почти все, сегодня знаем, мы не смогли изобрести никакого средства от преступности. Ни одна мера, кроме смертной казни, кастрации или пожизненного заключения, не оказалась более эффективной в сравнении с любой другой. Мы можем с таким же успехом отвечать на преступление так, как непосредственно участвующие стороны сочтут это справедливым, и в соответствии с общими ценностями общества.

Этим последним высказыванием, как и большинством других, сделанных мной, я ставлю гораздо больше вопросов, чем отвечаю на них. Высказывания по поводу уголовной политики, особенно из уст тех, кто несет бремя ответственности, обычно наполнены ответами. А нам нужны вопросы. Серьезность проблемы делает нас слишком педантичными, а, следовательно, бесполезными для смены парадигмы.

Суд, ориентированный на жертву

За моими рассуждениями отчетливо стоит модель местного (neighbourhood) суда. Но

это суд с определенными свойствами, только их я и буду обсуждать ниже. Первое и самое главное - это структура, *ориентированная на жертву*, хотя и не на первой своей стадии. Первая стадия будет традиционной, на этой стадии будет определяться, действительно ли был нарушен закон и этот ли человек его нарушил.

Далее идет вторая стадия, которая в этих судах будет иметь особую важность. Это стадия, на которой будет рассматриваться положение жертвы. Здесь каждая деталь случившегося, имеющая законное отношение к делу или нет, привлечет внимание суда. Особую важность здесь получит подробное рассмотрение того, что может быть сделано для жертвы, прежде всего преступником, во вторую очередь местным сообществом и в третью государством. Может ли ущерб быть компенсирован, окно вставлено, замок заменен, стена покрашена, потеря времени из-за того, что машина была украдена, возмещена работой в саду или мытьем машины 10 воскресений подряд? А может быть, когда дискуссия начнется, ущерб уже не будет таким, каким он выглядел в документах, предназначенных для того, чтобы произвести впечатление на страховые компании? Могут ли действия правонарушителя в течение нескольких дней, месяцев, лет хоть немного облегчить физические страдания? И помимо этого, все ли ресурсы исчерпало местное сообщество для оказания помощи? Действительно ли местная больница не может ничего сделать? Как насчет помощи дворника дважды в день, если правонарушитель возьмет на себя уборку нижнего этажа по субботам? Ни одна из этих идей не является новой или не опробованной, особенно в Англии. Но нам нужна структура для их систематического применения.

Только по окончании этой стадии, на которую могут уйти часы, а может быть дни, только тогда настанет время для окончательного решения о наказании. Наказание тогда станет страданием, которое судья сочтет необходимым причинить *помимо* тех ненамеренных конструктивных страданий, через которые пройдет правонарушитель, выполняя восстановительную работу *лицом к лицу* с жертвой. Может быть, ничего не могло быть или не будет сделано. Но люди, живущие по соседству, не должны мириться с тем, что ничего не сделано. Местные суды, идущие вразрез с местными ценностями, это не местные суды. В этом-то и беда с точки зрения либеральных реформаторов.

Следует добавить и четвертую стадию. Это стадия оказания услуг правонарушителю. Его общее социальное и личное положение теперь известно суду. Обсуждение возможностей восстановления жертвы нельзя вести, не предоставляя в то же самое время информации о положении правонарушителя. Это может показать необходимость социальных, образовательных, медицинских или религиозных мер не для предотвращения преступлений в будущем, но потому что нужды должны быть удовлетворены. Суды становятся общественными аренами, а потребности видимыми. Но важно, чтобы эта стадия шла *после* вынесения наказания. В противном случае опять возникает целый набор так называемых "специальных мер" - обязательных программ - часто лишь эвфемизм для неопределенного наказания. С этими четырьмя стадиями такие суды могли бы представлять собой смесь элементов гражданского и уголовного судов, но с сильным перевесом в сторону гражданского.

Суд, ориентированный на непрофессионалов

Вторая основная особенность той модели суда, о которой я говорю, будет состоять в том, что она будет полностью ориентирована на непрофессионалов. Это важно при рассмотрении конфликтов как собственности, находящейся в общем пользовании. С конфликтами так же, как и со многими другими товарами: их запас не безграничен. О конфликтах можно заботиться, защищать, питать, но не бесконечно. Если кто-то получает больше доступа к разрешению конфликтов, то кто-то получает меньше. Вот так просто.

Специализация в разрешении конфликтов - это основной враг - специализация,

которая в должное или не должное время приводит к профессионализации. А именно, когда специалисты получают достаточную власть чтобы заявить, что они обрели такие способности, в основном благодаря образованию, способности настолько большие, что их могут применять только дипломированные мастера. Определив врага, мы также можем определить цель. Давайте, насколько это возможно, сократим специализацию и особенно нашу зависимость от профессионалов в системе контроля за преступностью.

Идея проста: суд должен быть судом равных, представляющих самих себя. Когда они смогут найти решение между собой, в судьях не будет необходимости. Когда не смогут, судьями также должны быть равные.

Может быть легче всего будет заменить судей, если мы сделаем серьезные усилия приблизить наши нынешние суды к модели, ориентированной на непрофессионалов. В принципе, у нас уже есть народные заседатели. Но это слишком далеко от реальности. То, что у нас есть, и в Англии, и в моей собственной стране - это что-то вроде специализированных неспециалистов. Во-первых, их используют *снова и снова*. Во-вторых, некоторых даже *обучают*, читают специальные курсы или посылают на экскурсии в другие страны учиться, как должен вести себя народный заседатель. В-третьих, большинство из них представляет выборку, чрезвычайно предвзятую в отношении пола, возраста, образования, дохода, классовой принадлежности⁴ и криминального прошлого. Я представляю себе систему с настоящими народными заседателями, где ни у кого не будет права принимать участие в разрешении конфликта более нескольких раз, а потом придется подождать, пока все остальные члены общества не приобретут такой же опыт.

Следует ли юристов допускать в суд? У нас в Норвегии есть старый закон, запрещающий им появляться в сельских районах. Может быть, их стоит допускать на первой стадии, когда решается виновен ли человек. Я не уверен. Специалисты - это раковая опухоль на любом непрофессиональном органе. Это в точности то, что Иван Иллич (Illich) писал о системе образования в целом. Каждый раз, когда вы увеличиваете срок обязательного обучения в обществе, вы уменьшаете веру этого населения в то, что они узнали и поняли сами.

Специалисты в области поведения человека представляют ту же дилемму. Есть ли для них место в этой модели? Должно ли быть для них место? На первой стадии определения фактов - конечно нет. На третьей стадии определения наказания - конечно нет. Слишком очевидно, чтобы тратить на это слова. У нас целый ряд болезненных ошибок, начиная с Ломброзо, через движение за социальную защиту и до последних попыток удалять предположительно опасных людей с помощью прогнозов о том, что они из себя представляют и когда они уже перестают быть опасными. Пусть эти идеи умрут без дальнейших комментариев.

Реальная проблема имеет отношение к функции обслуживания специалистов в области поведения. Социологов можно рассматривать как функциональные ответы на сегментированное общество. Большинство из нас утратило физическую возможность воспринимать целостность как на уровне социальной системы, так и на личностном уровне. Психологов можно считать историками для отдельного человека, социологи выполняют примерно те же самые функции для социальной системы. Социальные работники - это смазка для машин, что-то вроде советников по безопасности. Можем ли мы обходиться без них, станет ли жертве и правонарушителю хуже?

Может быть. Но вместе с ними такому суду будет безумно трудно начать работать. Наша тема - социальный конфликт. Кто не почувствует хоть небольшую неловкость, занимаясь своим собственным социальным конфликтом, узнав, что за тем же столом сидит специалист именно по этой проблеме? У меня нет четкого ответа, лишь

сильные ощущения, которые привели к такому неопределенному выводу: пусть у нас будет настолько мало специалистов в области человеческого поведения, насколько мы можем себе это позволить. Но если они все-таки будут, ради всего святого, пусть среди них не будет специалистов по преступности и разрешению конфликтов. Пусть у нас будут специалисты общего характера с солидной базой за пределами системы контроля за преступностью. И последний пункт, касающийся как специалистов в области поведения, так и юристов: если уж мы решим, что в определенных случаях или на определенных стадиях без них никак нельзя обойтись, давайте постараемся объяснить им проблемы, которые они создают для широкого социального участия. Давайте постараемся научить их воспринимать себя в качестве источника информации, отвечающих только тогда, когда их спрашивают, а не тех, кто доминирует, находится в центре. Они могут помочь в воссоздании конфликта, но не должны брать их решение на себя.

Катящиеся

камни

В нашей западной культуре для введения такой системы существуют сотни преград. Позвольте мне остановиться только на трех основных:

1. Отсутствие местных сообществ.
2. Слишком мало жертв.
3. Слишком много профессионалов вокруг.

Говоря об отсутствии местных сообществ, я имею в виду тот же самый феномен, который описывал в связи с последствиями жизни в индустриальном обществе: сегментация в соответствии с пространством и возрастом. Большинство наших проблем происходит от разрушенных местных сообществ. Как мы можем возлагать на местные сообщества задачу, предполагающую, что они живы и здоровы? У меня нет по-настоящему хороших аргументов, лишь два слабых. Первый: все не так уж плохо. Смерть не окончательна. Второй: одна из основных идей формулы "конфликты как собственность" состоит в том, что это собственность местных сообществ. Она не личная. Она принадлежит системе и предназначена для оживления местных сообществ. Чем больше угасает местное сообщество, тем больше нам нужно местных судов в качестве одной из многих функций, необходимых любой социальной системе, чтобы не умереть из-за отсутствия проблем.

Мало жертв это тоже плохо. Под этим я имею в виду мало персональных жертв. Проблема опять-таки в больших подразделениях промышленного общества. "Вулуорт" или Британская Железная Дорога - это неподходящие жертвы. Но опять же скажу: персональные жертвы еще остались, им и должен быть отдан приоритет. Нам не следует забывать большие организации. Они или их комитеты предпочли бы не появляться в качестве жертвы в 5 тыс. местных судов по всей стране. Но, может быть, их нужно заставить это сделать. Если жалоба достаточно серьезна, чтобы возвести правонарушителя в разряд преступника, тогда должна появиться жертва. Аналогичная проблема связана со страховыми компаниями - индустриальной альтернативой дружбе или родству. Опять мы имеем дело со случаем, когда костыли ухудшают состояние. Страхование убирает последствия преступления. Следовательно, нам нужно убрать страхование. Или нам придется сдерживать возможности компенсации нанесенного ущерба с помощью страховых компаний до тех пор, пока не будет доказано через процедуру, описанную мною выше, что при отсутствии всех возможных оснований для сомнения, никакого другого выбора нет, в частности, что у правонарушителя никаких возможностей нет. Такое решение создаст больше бумажной работы, приведет к меньшей предсказуемости и большей агрессии со стороны потребителей. Такое решение вряд ли будет считаться хорошим с точки зрения держателя страхового полиса. Но это поможет защитить конфликты как социальное топливо.

Однако, ни одна из этих проблем не может сравниться с третьей и последней, о которой я скажу: избыток профессионалов. Мы знаем об этом из нашей собственной истории жизни или личных наблюдений. Помимо этого, мы получаем подтверждения в самых разнообразных социологических исследованиях: образовательная система любого общества не всегда находится в полном соответствии с любыми потребностями в продукте этой системы. Когда-то мы думали, что существует прямая причинная связь между количеством высоко образованных личностей в стране и Валовым Национальным Продуктом. Сегодня мы подозреваем, что эта связь осуществляется другим образом, если мы вообще хотим использовать ВВП как значимый показатель. Мы также знаем, что большинство образовательных систем чрезвычайно предвзяты в отношении классов. Мы знаем, что большинство ученых имеют прибыльные вложения в нашем образовании, что мы боремся за то же для наших детей, а также часто заинтересованы в расширении нашей части образовательной системы. Больше школ для большего количества юристов, социологов, криминологов. Пока я *проповедую* депрофессионализацию, мы увеличиваем возможности для того, чтобы заполнить профессионалами весь мир.

Больших оснований для оптимизма нет. С другой стороны, понимание ситуации и формулирование целей являются предпосылкой действия. Безусловно, система контроля за преступностью не является доминирующей в нашем типе общества. Но она, тем не менее, важна. И то, что происходит в ней, в педагогических целях необычайно хорошо подходит для иллюстрации общих тенденций в обществе. Есть еще место для маневра. Когда мы упираемся в границы или они упираются в нас, это столкновение само по себе представляет новый аргумент для более широко понимаемых изменений.

Еще один источник надежды: мысли, сформулированные здесь, не так уж изолированы или расходятся с основным направлением мысли, когда мы покидаем область контроля за преступностью и затрагиваем другие институты. Я уже упоминал Ивана Иллича и его попытки забрать обучение у учителей и вернуть его назад активным людям. Обязательное образование, обязательное лечение и обязательное достижение решения конфликта имеют интересную аналогию.

Когда послушают Ивана Иллича и Пауло Фрейра, а мне кажется, что к ним все больше прислушиваются, станет гораздо легче повлиять на систему контроля за преступностью.

Другая, но похожая, смена парадигм должна вот-вот произойти во всей области технологии. Отчасти это уроки третьего мира, которые сейчас легче увидеть, отчасти опыт, извлеченный из экологических дебатов. Земной шар определенно страдает от того, что мы делаем с ним с помощью нашей техники. Социальные системы третьего мира также очевидно страдают. Начинают возникать сомнения. Может быть, и первый мир тоже не может принять всю эту технологию. Может быть, некоторые из старых социальных мыслителей были не так уж глупы. Может быть, социальные системы должны восприниматься как биологические. Может быть, существуют какие-то широкомасштабные технологии, которые разрушают социальные системы также, как они разрушают земной шар. Здесь следует вспомнить Шумахера (1973) с его книгой "Маленькое значит прекрасное" и Институт Промежуточной Технологии, а также многочисленные попытки, в особенности сделанные выдающимися институтами мирных исследований, показать опасности концепции Валового Национального Продукта и заменить его показателями, говорящими о достоинстве, справедливости и правосудии. Перспектива, разработанная исследовательской группой Йогана Галтунга по мировым показателям, может также оказаться чрезвычайно полезной в нашей области контроля за преступностью.

Есть также политический феномен, открывающий широкие перспективы. По крайней мере в скандинавских странах социал-демократы и связанные с ними группировки

обладают значительной властью, но у них нет четкой идеологии в отношении целей реконструированного общества. Этот вакуум заполняют многие, он создает готовность принимать и даже ожидать серьезных экспериментов с различными институтами. А теперь последнее: как быть с университетами в этом контексте? Как насчет нового Центра в Шеффилде? Ответ, вероятно, будет прежним: университеты должны вернуться к старым задачам, состоящим в осмыслении и критике. А на задачу подготовки профессионалов следует посмотреть с обновленным скептицизмом. Давайте восстановим между критически мыслящими людьми доверие случайно встретившихся людей: низко оплачиваемые, высоко ценимые, но без чрезмерной власти за пределами весомости их хороших идей. Вот как это должно быть.

Примечания

[1] Базовая лекция Центра Криминологических Исследований, Университет г.Шеффилда, прочитана 31 марта 1976 г. Ценные комментарии к черновику рукописи предоставили Вигдис Кристи, Тов Станг Дал и Анника Снаре. [\[Вернуться\]](#)

[2] Предварительный доклад о неудовлетворенности жертвы см. Vennard (1976). [\[Вернуться\]](#)

[3] Я склоняюсь к той же позиции в отношении права собственности преступника на свой собственный конфликт, как и Джон Лок по вопросу права собственности на свою жизнь: никто не имеет права от нее отказаться (ср. MacPherson, C.B. (1962). [\[Вернуться\]](#)

[4] Самые последние данные см. у Baldwin (1976). [\[Вернуться\]](#)

Литература

BALDWIN, J(1976) The Social Composition of the Magistracy *Brit. J Criminol.*, 16, 171-174.

BAUM, M. AND WHEELER, S. (1968). Becoming an inmate, Gh. 7, pp. 153-187, in Wheeler, S. (ed.), *Controlling Delinquents*. New York: Wiley.

BOTTOMS, A.E. AND MCCLEAN, J.D. (1976). *Defendants in the Criminal Process*. London: Routledge and Kegan Paul.

GARLEN, P. (1976). The Staging of Magistrates' Justice. *Brit. J. Criminal.*, 16, 48-55.

GLUCKMAN, M. (1967). *The Judicial Process among the Barotse of Northern Rhodesia* Manchester University Press.

KINBERG, O., INGHE, G., AND RIEMER, S. (1943) *Incest-Problemet i Sverige*. Sth.

MACPHERSON, C. B. (1962). *The Political Theory of Possessive Individualism: Hobbes to Locke*. London: Oxford University Press.

NEWMAN, O. (1972). *Defensible Space: People and Design in the Violent City*. London: Architectural Press.

SCHUMACHER, E. F. (1973). *Small is Beautiful: A Study of Economics as if People Mattered*. London: Blond and Briggs.

SCOTT, P. D. (1959). Juvenile Courts: the Juvenile's Point of View. *Brit. J. Deling.*, 9, 200-210.

VENNARD, V. (1976). Justice and Recompense for Victims of Crime. *New Society*, 36,378-380.